

Сортировочная станция Томтебуда

Товарный поезд с грузом балансовой древесины прибыл для маневровых работ на станцию Томтебуда ранним утром. Машинист не знал, когда можно будет ехать дальше. Судя по расписанию, поезд опоздает еще больше; строго говоря, ему вообще нечего здесь делать. Состав должен был пойти напрямиком в Хальсберг, на бровикенскую бумажную фабрику, но из-за проблем с полотном поезд направили в бутылочное горлышко в центре Стокгольма. Может быть, к югу от города его, машиниста, ждет сменщик.

В последние годы машинист подумывал вернуться в Финляндию — страну, где железнодорожные перевозки контролируются как положено. За услугу одного и того же качества житель Финляндии заплатит вдвое меньше своего шведского соседа, а Швеция по числу частных железнодорожных перевозок обгоняет другие европейские страны. Здесь никто не отступится от либерального мифа о том, что рынок решает все. “Как детишки, которые играют в железную дорогу”, — подумал машинист.

Получив очередное сообщение о том, как обстоят дела на маршруте, машинист решил проверить вагоны. Это следовало сделать еще в Бурлэнге, однако из-за проблем с логистикой не хватило времени.

Но сначала он покурит, курить давно уже хочется. Машинист вылез из кабины. Над пустынной сортировочной разливался желтый рассветный свет. Машинист прислонился к ограде у путей и свернул сигарету.

Ветер уже теплый. Хороший будет день. Машинист сунул самокрутку в рот, пососал табачные крошки. У “бороды”, как это называлось у него на родине, был сладковатый вишневый вкус.

В одном из последних вагонов наверху лежали еловые бревна потоньше; покрывавший их белый пластик шуршал на ветру. Отошел всего один угол, но и того достаточно, чтобы брезент за что-нибудь зацепился и потащил за собой нетолстые бревна. Иногда во время погрузки в вагон попадает всякая ерунда, но оторвавшийся брезент крановщики должны были заметить еще в Свеге?

Так и не закурив, машинист сунул самокрутку в нагрудный карман и пошел вдоль ограды к вагону. Когда он подошел ближе, ему показалось, что под брезентом не только бревна.

Perkele!

Машинист перешагнул рельс и запрыгнул на площадку вагона. Уцепившись за железную опору, он поставил ногу на толстое бревно и потянулся вверх, рассмотреть получше.

Вот оно.

Черт, да это же рука.

1 Черт (*финск.*).

Чья-то грязная рука торчала из рукава рваной темно-зеленой куртки, а когда порыв ветра приподнял брезент, машинист увидел волосы.

В длинные светлые пряди набилась хвоя и опилки.

Покойница, подумал машинист. Посмотреть самому, что там, или вызвать полицию? Стараясь удержать равновесие, машинист нерешительно взялся за следующую опору.

Единственным мертвецом, которого ему до сих пор доводилось видеть, был его отец. Ветеран Зимней войны, летом шестьдесят пятого отец рассмеялся в лицо полученному на фронте тяжелому расстройству: дома, в Карлебю, отошел в лес, сунул “ананас” в рот и сорвал чеку. Когда отца нашли, жуткие останки мало напоминали человеческое лицо.

Вряд ли эта покойница выглядит страшнее. Машинист потянулся и приподнял белый брезент.

На него внимательно уставился черный глаз. Мертвая до этой минуты рука внезапно ожила.

Мидсоммаркрансен

Стояла необычная для этого времени года жара — двадцать семь градусов в тени — и безветрие. Комиссар уголовной полиции Жанетт Чильберг устроилась с чашкой холодного чая в гамаке в саду за домом, пытаясь насладиться последним свободным днем. Она взяла недельный отпуск пораньше, чтобы по возможности привести дом в порядок.

Осматривая участок восемь месяцев назад, Жанетт обошла и эту развалюху в два этажа. За прошедшее время дом не изменился. Жалкие остатки красной краски на фасаде и редкие белые чешуйки, задержавшиеся на углах. Проржавевшие водостоки, потемневшие оконные рамы.

Жанетт нравилась эта идея: не хлопотать о внешнем — о том, что у всех на виду, — а сосредоточиться на том, что внутри. Самой ей это давалось с трудом.

Гамак скрипнул: Жанетт потянулась за чашкой и сигаретой. Стояла духота, в воздухе как будто не хватало кислорода, отчего Жанетт одолела апатия. Столько всего надо сделать, чтобы обжить дом.

Она посидела еще, допила чай, вернулась в дом, включила в гостиной телевизор и села на диван с коробкой фотографий. Хотелось выбрать что-нибудь, что можно повесить на холодильник.

По телевизору шла литературная передача, и Жанетт вполуха слушала, как ведущий — у него явно выдалась трудная полоса в жизни — представляет гостя-писателя.

— ...итак, это ваша пятнадцатая книга, и действие впервые разворачивается в прошлом, а точнее — во второй половине девятнадцатого века. Вы не могли бы подробнее рассказать о том, как родился этот сюжет?

— Ну, это не пятнадцатая моя книга, а шестнадцатая...

Жанетт подняла взгляд на экран и, увидев гостя программы, вздохнула.

Пер Квидинг — ее ровесник, он недавно разменял шестой десяток — выглядел на удивление хорошо. Двадцать лет назад, в конце девяностых, он дебютировал с “Дорогой жизни” — романом в духе нью-эйдж. Жанетт его читала, и “Дорога жизни” запомнилась ей как философская книга, которая призывала читателя оставаться верным мечте. Книга показалась Жанетт поверхностной и плохо написанной, так что она изрядно удивилась, когда “Дорога жизни” стала бестселлером. Квидинг заработал целое состояние и объездил весь мир, продвигая “Дорогу жизни”; он получал престижные награды и участвовал во всех мероприятиях, достойных определения “культурное”.

Жанетт вернулась к разложенным на столе фотографиям; ее взгляд задержался на снимке, который она распечатала прошлой весной. Ее сын Юхан на весенних каникулах в Сан-Франциско вместе с какой-то девушкой.

По его улыбке и выражению глаз становилось ясно, что девушка рядом с ним — не просто приятельница.

На экране телевизора Квидинг рассказывал о своем новом романе, основанном на реальных событиях, и Жанетт вспомнила, что произошло после того, как его первая книга завоевала успех. Квидинг развелся с супругой и женился на своей литературной агентше. С разводом вышла какая-то грязная история; бывшая жена в нескольких резких интервью жаловалась, что “Дорога жизни” — это плагиат и что автор рукописи — она. Квидинг с бывшей женой тогда достигли чего-то вроде мирового соглашения, но Жанетт не сомневалась, что Квидинг просто купил молчание жены. В любом случае, теперь все выглядело не более чем досужими рассуждениями. Жена Квидинга ничего больше не могла сказать: она скончалась от рака груди.

Жанетт подумала о собственном бывшем муже Оке, художнике, который разбогател, добившись успеха. Успех пришел к Оке почти десять лет назад, и хотя в паршивые времена Оке поддерживала Жанетт, она не дождалась от него даже “спасибо”.

Жанетт смотрела на фотографию их улыбающегося сына. Ему уже двадцать три года. Официально они оформили совместную опеку, но неофициально великого художника ни капли не интересовал его единственный ребенок. Интересно, думала Жанетт, какие у них сейчас отношения?

Ты или борешься с одиночеством, или принимаешь его с распростертыми объятиями.

Сама она, как правило, выбирала одиночество сознательно, однако были два исключения. С той стороны, где Юхан, все еще зияла пустота.

Вскоре после того, как Оке удрал, она сама кое-кого встретила. Человека, который потом внезапно исчез из ее жизни, и она никак не сумела воспрепятствовать этому.

София Цеттерлунд, которая помогла ей распутать невероятно запутанное дело.

София Цеттерлунд, которая стала ей близкой подругой.

София Цеттерлунд, которую она со временем смогла бы полюбить.

Проклятая София.

А теперь уже ничего не изменишь. Слишком поздно. Поздно рожать детей, поздно менять жизнь.

— *Недавно я осматривал дом, доставшийся мне по наследству — дом моей тетки возле Юсдаля, в Хельсингланде, и нашел дневники, которые одна моя родственница вела в шестидесятые годы девятнадцатого века. Женщину эту звали Стина, она родилась в отдаленной деревушке, в Емтланде.*

Жанетт снова перевела взгляд на экран телевизора. Что-то в голосе Пера Квидинга пробудило ее любопытство. Жанетт она отложила в сторону и фотографию Юхана, и воспоминания десятилетней давности. Голос у Квидинга был как у хорошего рассказчика: внушающий доверие. Голос старого друга, подумала Жанетт.

— *По ряду причин Стина оказалась в Стокгольме. Вероятно, она, как и многие, бежала от Большого голода и в Сёдермальме сделалась чем-то вроде местной достопримечательности. Она бродила по улицам, кликушествовала; в конце концов ее отправили в лечебницу для душевнобольных с диагнозом “религиозная одержимость”... Я абсолютно уверен, что Стина не была безумной. На самом деле*

она пыталась нам о чем-то сказать. О чем-то, что она пережила в детстве, когда едва не умерла. В новом романе я постарался изобразить ее переживания. Я знаю, о чем речь: мне тоже случалось переживать нечто подобное...

Жанетт мало знала о личной жизни Пера Квидинга. Знала только, что он время от времени исчезал из поля зрения общественности, и его имя появлялось в СМИ, только когда он начинал продвигать очередной роман. Рецензентов его новые книги не слишком впечатляли, однако читатели не перестали покупать их. Частная жизнь Квидинга так и не сделалась достоянием общественности, зато вечерние газеты с удовольствием обсуждали его финансовое благосостояние.

— Я всегда ревностно оберегал свою личную жизнь, почему и не предъявлял эти дневники широкой публике. Но теперь, мне кажется, пришла пора назвать вещи своими именами...

Жанетт слушала Квидинга с некоторым удивлением. В молодости тот работал медбратом-анестезиологом, вел обычную с виду жизнь, но при этом пил и принимал волшебные таблетки. Во время одного из практически ежедневных возлияний он вышел в море на моторной лодке. Произошел несчастный случай, Квидинг едва не утонул, впал в кому, и пока врачи бились над спасением его жизни, Квидинг очутился в каком-то пограничье.

— Это было не ментальное переживание и не физическое... Какое-то другое. Интересно, что я очнулся на седьмой день. Когда Господь отдыхал, я очнулся...

“Чуть не утонул?”, — подумала Жанетт.

— Спасибо, Пер. Мы с интересом прочитаем обо всем этом и о вашей давней родственнице Стине... После короткой паузы мы вернемся в студию.

Жанетт унесла на кухню и повесила на холодильник фотографию Юхана, сделанную на весенних каникулах, пару его старых школьных снимков и фотографию футбольной команды.

На кухне она убрала посуду, простоявшую на столе с самого завтрака, и запустила посудомоечную машину. Телевизор в гостиной продолжал работать.

— *Стина верила, что видела Бога, чистилище и рай. Сам я, как вы, наверное, догадываетесь, далек от религиозности. Мне кажется, все, связанное с духовностью, остро нуждается в новом дискурсе, и по возможности я избегаю слов вроде Бог, ангелы, небеса и преисподняя. Разговорами о божественном можно распугать людей, такие слова препятствуют серьезной дискуссии.*

Голоса из телевизора и шум работающей посудомойки не заглушили телефонного звонка. Жанетт вернулась в гостиную и поискала взглядом телефон.

— *Хватит разграничивать духовное и научное. Разве не глупость — не изучать непонятное? Предположим, что мы точно так же смотрели бы, например, на микробиологию... Насколько ограниченнее и невежественнее мы были бы! К откровениям людей вроде Стины стоит относиться серьезнее, а не объявлять их сумасшедшими или одержимыми. Давайте извлекать уроки из опыта этих людей, а не упрятывать их в лечебницу...*

Когда живешь в большом доме, телефон норовит исчезнуть при каждом удобном случае. Наконец Жанетт определила, откуда идет звук. Вернувшись с покупками, она положила телефон на столик в прихожей.

— *Я думаю, что рассказ Стины будет нам сейчас особенно интересен. Мы, люди, стоим перед...*

Жанетт выключила телевизор, вышла в прихожую и взяла трубку.

Звонил Йимми Шварц — он, как и Жанетт, служил в полицейском управлении “Сити” и был одним из ее подчиненных.

— Еду на Кварнхольмен, — сказал он. — По-моему, тебе тоже стоит туда приехать, хоть ты и в отпуске.

Пока Шварц излагал суть дела, Жанетт с сожалением поняла, что в работе она нуждается больше, чем в отпуске.

Когда надо избавиться от пустых мыслей, то лучше работы средства не найти.